

ЛЮБОВЬ СУММ

ЛИРА, ЛУК,
ВЕРЕТЕНО

ГОМЕР
И ИСКУССТВО
МЕТАФОРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

Оглавление

Вступление. Метафора и метаморфоза	9
Часть первая. ПУРПУР	15
Цепочка и звенья	17
Волна за волной	24
Фамира-кифаред	30
Как журавлиный клин	36
Традиционное или взрыв суперновой?	43
Железное сердце	50
Крылатые слова	55
Нити судьбы	63
Кожаный шлем с клыками кабана	69
«Бог серебрукий, внемли»	77
«Пряжей и тканью займись...»	82
Выстрел Пандара	87
Пурпур	92
Феникс	97
Состязания	104
Химера	108
Орел и дверь	115
Часть вторая. СНЫ И СЛЕЗЫ	121
Обольщение Зевса	123
«Словно во сне...»	129
Слезы — источник поэзии	136
Плачущий рассказчик	140
Сны и слезы	145

Бескрылые слова.....	154
Лира, лук и ткацкий станок.....	160
Мифы Афины.....	165
Волшебное зелье.....	169
Цикада	175
Плот и Щит: перекрестная симметрия.....	180
Возвращение в мир живых.....	185
Пурпурные нити феаков	192
Пещера Полифема.....	200
Имя Одиссея	208
Аид, сокровищница историй.....	216
По следам Черноногого	223
Аэд выходит из Аида.....	229
Часть третья. ПОЛЕТ ЛАСТОЧКИ.....	235
Сирены.....	237
«Это мне было открыто...»	243
Вечное возвращение?.....	249
Пещера нимф	255
Ворота из рога / Ворота из слоновой кости ...	263
Шрам от клыков кабана	272
Соловей	279
Песнь Пенелопы	289
ПРИЛОЖЕНИЕ	297
Ткань Пенелопы.....	299
Словарь.....	311
Библиография.....	314

Вступление

МЕТАФОРА И МЕТАМОРФОЗА

Момент рождения поэтической метафоры можно определить с точностью до строки: «Одиссея», конец двадцать первой песни.

Поэма движется к развязке. Пенелопа приготовила назойливым женихам испытание: ее мужем станет тот, кто повторит подвиг Одиссея, натянет его лук и метким выстрелом пронзит двенадцать топориков. Почти комическая сцена: женихи так и сяк пытаются согнуть тугой лук, чтобы зацепить тетиву, наступают ногой на один конец, греют лук у очага, мажут салом — тщетно.

— Можно мне попробовать? — спрашивает нищий, прибившийся ко дворцу пару дней тому назад.

Заполучив лук, Одиссей тщательно его осматривает:

...целы ль

Роги и не было ль что без него в них попорчено червем¹.

(Од. XXI, 394 сл.)

Женихи, так и не догадавшиеся, кто перед ними, предполагают, что этот бродяга — мастер, изготавливающий луки: он-де интересуется знаменитым оружием как образцом собственного ремесла. Но Гомер видит сходство с иным мастером — аэдом, играющим на лире исполнителем героических песен.

¹ Стихи «Одиссеи» здесь и далее в переводе В. Жуковского.

Как певец, приобывший
Цитрою² звонкой владеть, начинать песнопенье готовясь,
Строит ее и упругие струны на ней, из овечьих
Свитые тонко-тягучих кишок, без труда напрягает —
Так без труда во мгновение лук непокорный напруг он.
Крепкую правой рукой тетиву потянувши, он ею
Щелкнул: она провизжала, как ласточка звонкая в небе.
(Од. XXI, 405 сл.)

Словно отвечая вскрику ласточки, раздается удар грома. Одиссей принимает это как доброе знамение³.

К луку притиснув стрелу, тетиву он концом оперенным,
Сидя на месте своем, натянул и, прицелясь, в кольца
Выстрелил, — быстро от первого все до последнего кольца,
Их не задев, пронизала стрела, заостренная медью.
(Од. XXI, 409 сл.)

Всего четыре строки занимает сам выстрел. Натягивание лука было нам показано долгим, с вниманием и усилием: осмотреть, согнуть, натянуть — и сравнение тоже замедляло действие, увеличивая напряжение. Выстрел же — мгновение. И в это мгновение совершается метаморфоза: тот, кто сумел согнуть лук Одиссея и так сильно и точно послать стрелу, конечно же, и есть сам Одиссей. Нищий бродяга преобразается в вернувшегося царя.

Мы, слушатели и читатели, все время знали, что под рубищем, под выдумками о преследуемом роком критяnine, которые «бродяга» рассказывал и сви-

² В греческом «форминга» (φόρμιγγ), в других случаях Гомер упоминает кифару, а искусство певца Фамиры называет «кифаристикой» (κιθαρίστικόν, см. главу «Фамира-кифаред»). Гнедич в переводе «Илиады» обычно использует привычное для читателя слово «лира»; Жуковский предпочитает «цитру» (та же «кифара», прошедшая через немецкий язык, с помощью которого Жуковский переводил «Одиссею»).

³ О роли знамений в гомеровском тексте см. De Jong, 2001.

нопасу Евмею, и царице Пенелопе, скрывается сам Одиссей. Сыну он открылся раньше. Накануне вечером позволил няне Евриклее узнать его по шраму на ноге. Пока женихи возились с луком, вышел во двор с сыном и двумя преданными рабами Евмеем и Филойтием, назвал себя, предъявил шрам, условился, что вскоре даст знак и они вместе приступят к истреблению женихов.

Но в какой миг он явил себя всем? В какой миг действительно стал Одиссеем? То движение, которым он проверял лук — не поврежден ли рог червем в отсутствие хозяина (XXI, 394 сл.), — было для нас первым знаком совпадения Одиссея с самим собой. Он вновь чувствует себя хозяином и царем (оба эти понятия в греческом выражались одним словом). Он вполне ощущает протяженность своего отсутствия (как точно передает длительность отсутствия его опасение, что за это время самое ценное в доме, необходимое для самоидентификации, могло быть пожрано червями!). Прошрое, долгие скитания, и настоящее, возвращение, сходятся друг с другом, как концы этого лука.

Метаморфоза завершается в момент выстрела — стремительно. И Одиссей обретает речь уже не бродяги, но царя и господина, гордо и повелительно обращающаяся к сыну:

«Видишь, что гость твой тебе, Телемах, не нанес посрамленья.

В цель я попал; да и лук натянуть Одиссеев не много

Было труда мне. Еще не совсем я, скитаясь, утратил

Силы, хотя женихи и ругаются мной беспощадно.

Должно, однако, покуда светло, угощенье иное

Им приготовить; и пение с звонкою цитрой, душою

Пира, на новый, теперь им приличнейший лад перестроить».

Так он сказал и бровями повел.

(Од. XXI, 424–431)

Выделенные курсивом слова вроде бы продолжают сравнение, с которого началась эта сцена. Лук — лира, а стрельба, таким образом, пение. Но чем ближе сходство, тем очевиднее и различие. Все изменилось, и это подчеркнуто призывом перестроить кифару и пение (буквально: «по-другому развлечься песней и формингой»).

В отличие от прозвучавшего выше сравнения, где явно присутствует и то, что сравнивается, и то, с чем оно сравнивается, и потому все понятно для всех, в речи Одиссея названо только то, с чем нечто сравнивается (пир, лира, песня); подтекст угадывает лишь Телемах, да и то благодаря сопровождающему речь знаку — движению бровей. Женихи все еще ничего не понимают: как поначалу они списали умелое обращение Одиссея с луком на его навыки ремесленника, не признав в нем воина и царя, так и теперь, даже когда следующая стрела угодит в горло наглеишему из поклонников Пенелопы, они примут это за трагическую случайность и опомнятся лишь тогда, когда Одиссей назовет себя, когда полностью завершится его метаморфоза.

При всем тематическом сходстве двух обрамляющих выстрел образов лука-лиры, второй образ мы не можем отнести к сравнениям именно потому, что не выражена словами другая половина (сравниваемое), отсутствует сравнительный союз, отсутствует и менее обязательный для сравнений вообще, но у Гомера почти непременный признак: явно обозначенное сходство/основание для сравнения. Например, в первом случае это было движение, описанное повторяющимся глаголом «натягивать». Все это во втором образе мы призваны домыслить сами.

Здесь, в конце двадцать первой песни «Одиссеи», перед нами новое слово поэтического языка: метафора.

Разумеется, в обеих поэмах, помимо знаменитых развернутых сравнений, присутствуют и метафоры. По большей части это традиционные выражения, не утратившие своей красоты: «крылатые слова», «соткать обман», «выпрямь судьбу», «железное сердце». Мы будем говорить о них, как и о других элементах эпического языка — эпитетах, знамениях, мифологических примерах, описаниях. Но в обеих поэмах, «Илиаде» и «Одиссее», метафоры почти всегда меркнут в тени вдохновенных и сложных сравнений. Только эта заключительная метафора с цитрой и пением равноценна сравнению: тоже подробная, развернутая, с понятным (хотя и не названным, но подразумеваемым) основанием. Использованы те же образы с почти одинаковым значением; метафора и сравнение выполняют схожие функции; они явно сопоставляются в этой сцене — сравнение предшествует выстрелу, метафора следует сразу за ним.

Сходство метафоры и сравнения подчеркивается. Гомер словно раскрывает нам тайны своего ремесла: вот так из сравнения прямо в полете стрелы рождается метафора. И это тоже важный момент, к которому нам предстоит возвращаться: когда лук становится лирой — песня равняется с реальностью героических подвигов, — поэт говорит с нами уже не только о свершениях своих персонажей, но о самой поэзии.

Здесь, в строках 428–430 двадцать первой песни «Одиссеи», у нас на глазах рождается образный язык, каким мы его знаем: язык любовной лирики, трагедии, Платона, хорошо знакомый нам язык поэзии, в котором расцветает метафора.

Рождение поэтического языка подразумевает не явление из ничего, а ряд метаморфоз, в результате которых возникает нечто долгожданное и узнаваемое, как возвращение Одиссея. Думается, Гомер совершенно

осознанно соединяет ключевое событие — возвращение царя на Итаку — и превращение сравнения в метафору. Переход от сравнения к метафоре кропотливо подготавливается обеими поэмами. Метаморфоза поэтического языка, рождение метафоры как итог творческого пути Гомера, сложные системы сравнений, значимых имен, знамений, мифологических намеков — вот нити, которые нам предстоит проследить и собрать в узор.

Рис. 4. Дора Уилер. Пенелопа за работой ночью. 1886. Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США
Выполнено в технике гобеленового шитья, как предполагалось, реконструирующего работу древних ткачих

© The Metropolitan Museum of Art

Рис. 7. Репродукция росписи с древнегреческой вазы, на которой изображена Пенелопа у своего станка. Рисунок Карла Рейхольда из книги Furtwaengler, Adolf; Reichhold, Karl. *Griechische Vasenmalerei: Auswahl hervorragender Vasenbilder* (Serie III, Tafel 121–180) — München, 1932.

© Heidelberg University Library

Рис. 8. Глиняный краснофигурный скифос с изображением Пенелопы, сидящей перед ткацким станком. Около 440 до н.э. Национальный этрусский музей Кьюзи, Италия
© ArchaiOptix / Wikimedia Commons (по лицензии CC BY-SA 4.0)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЛЕТ ЛАСТОЧКИ

Сирены

После нисхождения в Аид поэтика Одиссея меняется, по крайней мере на некоторое время. Все, о чем он рассказывал до сих пор, было достаточно традиционной приключенческой историей, во всех эпизодах встречались и другие участники, кроме самого Одиссея: его песнь — увлекательное повествование, но не эксклюзивное знание. Даже с учетом того, что спутники в итоге погибли, существуют лестригоны, циклопы, Цирцея и т. д., и они могут рассказать то же самое по-своему, что неоднократно и происходило в литературе. В одиннадцатой песни содержание оказывается важнее формы, Одиссей практически не пользуется сравнениями, кроме коротких и очевидных (теней — со сновидением и птицами, Геракла — с ночью), допускает такие «скучные» элементы, как перечень, генеалогия, описание, потому что все это бесценно для слушателей. Получив же награду — награду аэда, множество даров, превышающее троянскую добычу, — Одиссей заключительную часть своего рассказа выстраивает как профессионал.

Из Аида он вернулся к Цирцее и «обо всем рассказал подробно» (Од. XII, 35). Мы можем лишь догадываться, описывал ли Одиссей обитателей (и обитательниц!) Аида, удовлетворяя любопытство богини, или же только передал ей пророчество Тиресия. Иными словами, слушают ли феаки уже исполнявшуюся песню или же импровизацию? Начиная с 39-го стиха Цирцея

описывает Одиссею его будущий путь, то есть рассказ теперь предшествует событиям, а не следует за ними — очевидный профессиональный прием. Цирцея советует перед островом сирен заклеить спутникам уши, а сам Одиссей может слушать пение, если его надежно привяжут к мачте. Далее, говорит Цирцея, ему предстоит выбрать один из двух путей: между блуждающими скалами, которые разбивают вдребезги все корабли, и где в древности проскочил один лишь Арго¹, и между Сциллой и Харибдой, где погибнут шестеро спутников. С женским тактом Цирцея предоставляет выбор Одиссею («...своим ты должен рассудком решить», XII, 58) и объясняет, как пройти между Сциллой и Харибдой, словно ответ уже получен. Третье и завершающее испытание — Тринакрия, остров, где пасутся стада Гелиоса. Цирцея повторяет пророчество Тиресия: если стада Гелиоса уцелеют, уцелеет и Одиссеев корабль, если же его спутники съедят священных животных, они погибнут вместе с кораблем, а сам Одиссей вернется в отчизну в одиночестве и намного позже.

Утром Одиссей отплывает и уже на корабле обещает товарищам:

Все вам открою, чтоб, зная свой жребий, могли вы бесстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избегнуть.

(Од. XII, 156 сл.)

А на самом деле рассказывает только про сирен —

Так говорил я, лишь нужное людям моим открывая.

(Од. XII, 165)

¹ Как в «Илиаде» Гомер указывал на поэтические циклы, посвященные более давним военным походам — Диомед, сын Тидея, вспоминает и отцовские, и собственные подвиги в войне против Фив, — так в «Одиссее» легким намеком возникают более ранние путешественники: Цирцея при первом упоминании о ней именуется сестрой Ээта — обладателя золотого руна.